

"СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" О НАЧАЛЕ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Автор: А. Г. КУЗЬМИН, Д.В. ГУБИН

В свое время А. В. Лонгинов справедливо заметил, что "Слово" в литературных и исторических основах своих останется непонятным, доколе нам не удастся рассеять пустой туман, окутывающий деятельность двух великих личностей - Бояна и Трояна". Правда, деятельность Бояна в общих чертах ясна из текста самого "Слова". По признанию большинства исследователей, это певец и песнотворец XI века. Но Боян интересен не только как создатель особого литературного направления, влияние которого постоянно ощущал на себе автор "Слова". Очевидно, именно Боян являлся источником тех оригинальных исторических представлений о прошлом Руси, которые нашли отражение в поэтическом памятнике конца XII века. Именно из "произведения" Бояна, как с должным основанием отметил М. Н. Тихомиров, мог получить автор "Слова" и все сведения о Трояне, стоящем в центре своеобразной исторической концепции, воссоздающей первые века русской истории.

Исторические экскурсы "Слова", как правило, выражены намеками и поэтическими образами, и, кроме того, они являются реминисценцией представлений более ранней эпохи. Это обстоятельство может породить скептицизм в отношении целесообразности поисков конкретного содержания опозитизированных образов прошлого. Но история изучения "Слова" показывает, что в этом памятнике нет бессмысленных выражений, а есть только еще не понятые и, может быть, испорченные. Чем дальше, тем больше перед исследователями раскрывается глубина и емкость не только литературных образов, но и исторического содержания поэмы. Исторические характеристики автора "Слова" не всегда строго соответствуют летописным. Но именно независимость от летописей придает особый колорит и особую ценность историческим образам поэмы. Как правило, там, где возможно сравнение, расхождение с летописями касается не самих фактов, а некоторых деталей и оценки событий. У автора "Слова" был свой особый источник, из которого он черпал сведения о прошлом. Этим источником едва ли не являлась поэтико-песенная традиция, существовавшая параллельно с летописной при дворах феодальной знати. Боян в этом отношении, дал, очевидно, больше всех, ибо именно с XI в. связано большинство исторических параллелей.

Загадочный образ Трояна породил значительную литературу, в которой намечены самые разнообразные пути разъяснения вопроса. К настоящему времени накоплен некоторый параллельный материал. Но "густой туман" продолжает окутывать легендарного героя песен Бояна.

Очевидно, этот вопрос не может быть выяснен окончательно до решения комплекса проблем, связанных с формированием Руси - народности и государства. Но историческая концепция "Слова" потому и должна оставаться постоянно в поле зрения, что она затрагивает этот же круг вопросов.

После обстоятельных работ Н. С. Державина и А. Болдура здесь нет необходимости давать развернутую историографическую справку. Можно напомнить лишь основные направления исследований. Одна часть авторов принимает в качестве прообраза Трояна римского императора II в. Траяна (среди них Н. М. Карамзин, Н. Дашкевич, Н. С. Державин, А. С. Орлов, М. Н. Тихомиров), другая часть видит в Трояне языческого бога (Д. С. Лихачев, А.

Болдур, Ф. М. Головенченко и др.). Отдельные исследователи (Н. И. Костомаров, А. В. Лонгинов и др.) пытались связать Трояна с некоторыми из князей XI-XII веков.

Столь разноречивые мнения ученых, признающих "Слово" памятником XII в., казалось бы, должны были побудить "скептиков" остановить на этом образе особое внимание. Но наиболее последовательный из них - А. А. Зимин, - в сущности, уклонился от разъяснения образа Трояна в плане своей концепции о "позднем происхождении" "Слова". Он предположил, что мнимый автор XVIII в. Иоиль Быковский переписывался с П. Румянцевым, "героем победы при Кагуле у Трояновой дороги". Но как из этой переписки можно было создать образ Трояна, остается неясным. А это надо разъяснить, дабы не создалось впечатления, что Иоиль создал глубоко историчную поэму, пользуясь сомнительным и ему самому непонятным материалом. Справедливости ради следует отметить, что А. А. Зимин не был обязан ставить Иоиля в столь неловкое положение. Певцу-монаху можно было дать в руки более надежные и богатые источники, сделав, конечно, допущение, что все это Иоиль мог знать и творчески переосмыслить.

Впрочем, затруднения остаются и в этом случае. Параллельный материал с несомненностью свидетельствует лишь о том, что имя Трояна было известно в Древней Руси. Но содержание образа поэмы этот материал не разъясняет, и в зависимости от увлечения той или иной параллелью ученые ищут в образе те или иные черты. Поэтому прежде, чем рассматривать параллели, целесообразно максимально приблизиться к пониманию образа автором "Слова".

Троян упоминается в "Слове" четыре раза. Первое (упоминание связано с обращением к Бояну: "О Бояне, соловию старого времени! А бы та сия плъкы ушекотал, скача, славую, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы, - пети было песне Игореву, того внуку: "Не буря соколы занесе чрес поля широкая - галици стады бежать к Дону Великому").

В цитированном тексте, помимо в общем-то несущественного "мысленного древа", обычно затрудняют переводчиков и комментаторов три фразы: "свивая славы оба полы сего времени", "рища в тропу Трояню" и "пети было песне Игореву, того внуку". Особое внимание, как правило, привлекает "тропа Трояня". По мнению А. Болдура, эта фраза означает "либо, что он (Боян. - авт.), предаваясь поэтическому вдохновению, обегает мыслью божественные пути Трояна, либо, что вернее, он пытается угадать пути верховного распорядка, начертанного Трояном, иначе говоря, прочесть будущее в книге судеб русского народа". "Мифический образ, подчеркивающий беспредельность мечты Бонна", видел в этом выражении Ф. М. Головенченко. Однако, вырванная из контекста, эта фраза, очевидно, не может быть правильно понята. А. Болдур и Ф. М. Головенченко стремились найти в ней подтверждение своей мысли о том, что Троян - это славянское божество. Но качествами провидцев и волшебников, по "Слову", обладали и несомненно реальные лица Боян и Всеслав Полоцкий. Самый же факт сопоставления Трояна и Игоря оказывается в таком понимании случайным.

Между тем только на сопоставлении Трояна и Игоря может основываться внутренняя связь всей строфы. Автор делает предположение, как бы Боян, прославлявший Трояна, воспел поход Игоря. Выбор же именно Трояна для сопоставления с Игорем может объяснить другая неясная фраза: "Игореву, того внуку". Эту фразу обычно объясняют либо как ее понимали первые издатели, добавлявшие в скобках "Олга" и предполагавшие, что "того" может относиться только к Олегу Святославичу, либо полагают, что сам автор считает себя здесь внуком Бояна. Но ни то, ни другое объяснение не соответствует смыслу фразы. Автор "Слова" в данном случае о себе не говорит, а имя Олега к этому моменту в памятнике еще не упоминалось. По смыслу всей строфы "того внуку" относится именно к Трояну. Слово "внук" в поэме постоянно употребляется в значении "потомок". Автор "Слова", следовательно, считал северского князя потомком Трояна. Отсюда и сожаление, что сам Боян не может соединить немеркнущую славу походов Трояна со славой его отважного потомка.

Таким образом, первое же упоминание Трояна в "Слове" представляет его как легендарного основателя династии русских князей. Сходный смысл содержит и второе его упоминание: "Были вечи (или "сечи") Трояни, минула лета Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъслав-личя". Этой фразой автор дает как бы три эпохи русской истории, причем само сопоставление Трояна с Ярославом и Олегом Святославичем предполагает, что речь идет именно о правителе, а не о божестве. Не случайно поэтому делались попытки обнаружить под именем Трояна какого-то реального, известного по письменным источникам русского князя. А. В. Лонгинов, например, сначала отождествил его с Владимиром Мономахом, а затем с тремя братьями Ярославичами.

Однако "вечи (сечи) Трояни" - это явно древнейший период русской истории. Эпоха Трояна предшествовала "летам" Ярослава. Правда, при прочтении "вечи" не совсем ясно соотношение "веков" Трояна и "лет" Ярослава. По тексту "Слова", "вечи Трояни" захватывали, как будет показано ниже, и период после Ярослава. "Лета Ярославля" в таком случае могут означать лишь "век" Ярослава, выделяемый внутри "веков" Трояна. Принимая прочтение Н. М. Карамзина, можно думать, что автор "Слова" сопоставлял "сечи", то есть войны, сражения Трояна, с "полками" - походами Олега. Это сопоставление аналогично выше рассмотренному. Но смысл фразы остается примерно таким при любом ее прочтении.

Весьма вероятно, что и второе упоминание Трояна восходит к Бояну. Три эпохи русской истории не выходят за пределы XI в., причем Олег выступает здесь еще тмутараканским, а не черниговским князем, каким он стал в 1094 году. Двойственность оценки Олега в "Слове" также может быть связана с влиянием песен Бонна. Автора восхищает воинский пыл Олега, он с удовольствием говорит о трепете, охватывающем Владимира Мономаха в Чернигове, когда Олег выступает в поход из Тмутаракани, "за обиду Олгову" могли отдать жизнь жаждущие славы молодые князья вроде Бориса Вячеславича. Но, восхищаясь вслед за Бояном воинской доблестью родоначальника черниговских князей, автор "Слова" не забывает напомнить, что в усобицах "погибашеть жизнь Дажьбожа внука" и "в княжих крамолах веди человекомь скратишась".

Третье упоминание связывает с Трояном какую-то землю: "Въстала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону, плещучи, упуди жирня времена". Многие авторы отмечали, что по контексту "земля Трояня" - это Русская земля. М. Шефтель, сближая ее с "Троей", упоминаемой географом XII в. Идриси, полагал, что речь идет о земле торков. М. Н. Тихомиров, стремясь локализовать Троянову землю в районе Дуная, предложил разбить образ на три параллельных: 1) обида встала "в силах Дажьбожа внука", 2) вступила на землю Трояна и 3) плещет лебедиными крыльями у Дону на синем море. Но и в этом случае не исчезает представление о Трояновой земле, как о Руси. Параллель здесь заключается в том, что если русичи - это "внуки" - потомки Дажьбога, то их земля - это земля Трояна. Донское же Лукоморье было как раз тем районом, который, по мнению автора, был объектом честолюбивых устремлений северских князей.

Представление о земле Трояна, как о Русской земле, усиливается дальнейшим текстом, в котором, в частности, есть аналогичная параллель. Сокол - Игорь "птиц бя" залетел к морю. Но храбрый полк его погиб, и Карна и Жля помчались по Русской земле, неся людям огонь-пожарища в пылающем роге ("смагу людем мычючи, в пламяне розе"). По следам Обиды, следовательно, на Русскую землю устремился поток огня и разрушений. Отождествление "земли Трояни" с Русской землей, в сущности, вполне логично вытекает и из самого факта выделения эпохи Трояна, как раннего периода русской истории. Поэтому не видно оснований для сближения ее с областью поселения торков.

Последнее упоминание Трояна в "Слове" - это знаменитый "седьмой век", который не без основания принимается многими авторами как ключ к расшифровке загадочного образа. Согласно "Слову", "на седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицу себе любу... и скочи к граду Киеву". Предложено много разных объяснений фразы "на седьмом веце", но все

они не снимают недоумений. Попытка понять фразу, исходя из простого расчета, что век - это сто лет, не встретила признания, так как сторонникам этой версии не удалось обосновать какой-либо связи между IV и XI вв. русской истории. Д. С. Лихачев предложил более сложную расшифровку "седьмого века", как "последнего" века язычества, исходя из особого положения числа "семь" в древности: семь дней недели, семь дней "творения" мира, семь тысяч лет его существования. С ним согласились А. Болдур и некоторые другие авторы.

Однако и такое объяснение не может удовлетворить. Оно слишком сложно и не устраняет противоречий. Всеслав овладел Киевом уже после "лет" Ярослава, и, следовательно, "седьмой век" непосредственно с <язычеством> не связан. Автор "Слова" вообще не противопоставлял <язычество> христианству: он подходил к этому вопросу с безразличием светского человека. Очевидно, поэтому исторические эпохи выделены им без связи с актом крещения Руси при Владимире. Как отметил Н. М. Гальковский, "всякий поэт, желая быть понятным, должен употреблять такие образы, которые понятны и доступны его современникам. А потому необходимо допустить, что автор "Слова...", упоминая о Трояне, говорил о том, что всем было известно и понятно". Это соображение в полной мере относится и к "седьмому веку". Поэтому прежде, чем искать какие-то сложные решения, следует попытаться понять, что это выражение могло означать буквально в XI-XII вв. (как можно видеть из текста "Слова", образ Всеслава также заимствован из песен Бояна).

Многие исследователи, отсчитывая семь веков-столетий, забывали, что отождествление "века" со столетием произошло сравнительно недавно. Отличительная черта всех народных измерений - их естественное происхождение и неопределенность. Подобно тому, как меры Длины ориентировались на части человеческого тела (стопа, пядь, локоть и др.), и меры времени устанавливались в связи с естественными природными явлениями (день, ночь, месяц, как цикл луны, лето), а также относительно жизни самого человека. Буквальное значение слова "век" в древности - это срок жизни человека, предмета, явления. Это достаточно хорошо известно и подтверждается большим количеством источников. Различные значения слова "век" в древней литературе, в сущности, являются лишь разновидностями его основного значения. В исторических построениях слово "век" и в настоящее время может означать внутренне цельный, но хронологически неопределенный отрезок времени ("век", как эпоха). Аналогии этому русскому, вернее, общеславянскому слову можно найти и в других языках (ср. французское *siècle*). В прошлом слово "век" практически было наиболее употребительно для обозначения жизни одного поколения. Основное значение латинского соответствия славянскому "веку" - *seculum* - как раз "поколение", "век человеческий". Сходное значение имело и широко распространенное *aetas*, а также *aevum*. Этим латинским понятиям соответствуют древнегреческие *αἰών* и *ἔσθλα*. Очевидно, наличие такого понятия свойственно древним народам вообще, поскольку оно имеет естественное происхождение. Римские авторы поздней поры пытались конкретизировать свои *aetas* и *seculum*. Но определяли они их весьма различно: и в 25, и в 30, и даже в 116 лет.

Еще И. И. Срезневский высказал предположение, что "хоть некоторые из древнейших наших летописей были составляемы по годам княжений каждого князя, как было и на западе Европы". Добавим, что так было и в греческой хронографии; манера ведения исторического повествования по "царствам" сохранилась в русских хронографах. Погодная форма записи событий была выработана и на Западе и у нас не сразу. Легко заметить, что первоначальный рассказ летописи о событиях X в. не имел деления на годы. Возможно, он составлял сначала вообще единое повествование. Но затем, едва ли ранее третьей четверти XI в., появилось сочинение, в котором определенное внимание уделялось и точной хронологии. Однако в основу отсчета лет и здесь был положен еще не "год", а "княжение", время пребывания того или иного князя на киевском столе. Начиная с Игоря, вокняжение каждого князя дается своего рода заголовком: "Нача княжити...", - а в конце княжения обычно сообщается, сколько лет князь правил. Каждое новое княжение при этом обязательно открывается новым годом, независимо от того, когда умер предшественник. В последний раз такая манера прослеживается в связи с вокняжением как раз Изяслава, при котором Всеслав на короткое время овладел

Киевом. Целый ряд соображений, в том числе соображения хронологического порядка, позволяет считать, что именно при Изяславе сложилось то историческое сочинение, которое составило светскую основу Повести временных лет.

Если принять буквальное значение выражения "на седьмом веце", то его следует понимать как "седьмое поколение", идущее от Трояна. К слову сказать, число "семь" мистифицировали на Востоке, в частности, египтяне и иудеи, и эта мистификация более повлияла на христианство, нежели на <язычество> Европы. Неделя у греков и римлян появилась сравнительно поздно, а мнимая связь дней недели с семью известными восточным жрецам планетами у славян не отразилась. В русской языческой мифологии вообще не обнаруживается следов мистификации числа "семь", а потому не видно никаких препятствий для буквального прочтения фразы.

Таким образом, "на седьмом веце" буквально должно означать "на седьмом поколении". В первом упоминании Троян Представлен далеким предком Игоря Северского. В последнем известии отражена та же идея, причем теперь она более конкретизирована. Автор, видимо, снова следуя за Бояном, сообщает, что вокняжение Всеслава в Киеве произошло "на седьмом веце", считая от Трояна. Это выражение, очевидно, относится либо к генеалогии Всеслава, либо к сменам князей на киевском столе. Считая Всеслава в седьмом поколении, мы получим следующий генеалогический ряд: 7. Всеслав; 6. Брячислав; 5. Изяслав; 4. Владимир; 3. Святослав; 2. Игорь; 1. Троян. Как можно видеть, Троян, по такому (расчету, оказывается основателем династии русских князей, непосредственным предшественником (отцом?) Игоря. Весьма любопытно, что аналогичная последовательность получается и в том случае, если учитывать князей, выделенных в летописи заголовками: 7. Изяслав; 6. Ярослав; 5. Владимир; 4. Ярополк; 3. Святослав; 2. Игорь.

Первое место снова может занять Троян. В летописи счет времени по княжениям начинается именно с Игоря. Фактически в Киеве за рассмотренный отрезок времени правили еще Ольга и Святополк Окаянный. Но их княжения Повесть временных лет особо не выделяет, включая первое в княжение Святослава, а второе - в княжение Ярослава. В Повести временных лет опущено указание на начало правления Владимира. Но оно есть в Новгородской I летописи.

Таким образом, автор "Слова" через посредство Бояна доносит до нас оригинальную историческую концепцию, по которой Троян признается либо основателем династии русских князей, либо первым киевским правителем, либо тем и другим вместе. Но в летописи, как известно, дается иная схема истории Руси. Могут ли они быть совмещены? Очевидно, необходимо проверить, насколько непримиримы противоречия и несовместимы концепции "Слова" и летописи.

Судя по характеристикам князей XI в., носитель особой исторической концепции "Слова" Боян был современником Ярославичей и молодых Святославичей - Романа и Олега. Следовательно, он был современником и того летописца, сочинение которого составило основу Повести временных лет. Однако это летописное произведение сохранилось лишь в редакции начала XII века. При этом весьма вероятно, что именно вопрос о начале Русской земли был предметом особенно пристрастного внимания позднейших редакторов.

Несмотря на то, что в заголовке Повести временных лет провозглашена задача рассказать о начале Русской земли и первых русских князьях ["откуда пошла Русская земля, кто в Киеве (или "в ней", как в Ипатьевской летописи) нача первее княжити"], именно эти вопросы оказываются самыми запутанными. Из летописи неясно, кого же следует считать первым киевским или русским князем. Попытка связать киевского князя Игоря в единый династический ряд с легендарным новгородским князем Рюриком явно искусственна. Она не согласуется с задачей ответить на вопрос, "кто в Киеве нача первее княжити". Подозрительно также, что явно немолодой Рюрик, по летописи, умирая в 879 г., оставил малолетнего Игоря. 66 лет спустя погиб и Игорь, оставив также малолетнего сына Святослава. Вопреки логике, оба князя производят наследников "на санех седа", как говорили в Древней Руси.

Искусственность тенденции вывести род русских князей от Рюрика и стремления связать происхождение "Руси" с варяжским призванием видна и из содержания самой летописи. В ней немало текстов, в которых "Русь" и "варяги" сосуществуют, не смешиваясь, а само "начало Русской земли" отнесено к времени правления византийского императора Михаила, при котором в греческих хрониках впервые упоминается "Русь". В Начальной летописи, наконец, есть отождествление "Руси" с племенем полян ("поляне, яже ныне зовомая Русь").

На относительно позднее происхождение варяжской легенды неоднократно обращали внимание. А. А. Шахматов в специальном исследовании достаточно убедительно обосновал это положение. Есть основания думать, что легенда проникла на страницы летописей только в XII веке. Но ее позднее происхождение вызывает вопрос, который впервые отчетливо сформулировал Н. К. Никольский: "Если наш историограф XII в. был норманистом, то не следует ли отсюда, что или до него, или в его время помимо теории варяго-руси могли существовать и другие теории происхождения Руси, подобно тому, как существовали неодинаковые предания о Кие?". Автор отметил также, что "теория варяго-руси внесла всем известную запутанность на страницы древнейшего летописного свода" и что "редактор его не случайно, а с воспитательной целью для потомства закрыл все дороги для культурных влияний на Русь, кроме пути греческого, в явном несоответствии с исторической действительностью". Н. К. Никольский предпринял интереснейшую попытку "при отсутствии посторонних данных" снять "с легендарной части нашего летописного свода позднейший варяго-византийский налет"³¹. Это привело его к выводу, что ранняя концепция истории Руси находилась в тесной связи с жизнью западных славян. Однако и в талантливом построении Н. К. Никольского остался без ответа вопрос, "кто в Киеве нача первее княжити". Летопись не позволяет решить его "без посторонних данных". Введя варяжскую легенду и Рюрика, она что-то навсегда опустила.

В дошедшей до нас редакции Повести временных лет Игорю предшествует Олег. Но он, по летописи, никак династически не связан ни с Игорем, ни с легендарным Рюриком. К тому же сведения о нем в источниках весьма противоречивы. Могилу Олега показывали и в Киеве (Повесть временных лет) и в Ладоге (Новгородская I летопись), а по одной версии он ушел "за море", где и умер от укуса змеи. Новгородская I летопись, отразившая одну из редакций Начальной летописи в новгородской обработке, вообще не считает его князем, а рассматривает в качестве воеводы Игоря, В этой летописи, так же как в Толковой Палее, Олег действует в 20-е годы X в., тогда как в Повести временных лет он исчезает после 912 года. Современником Романа Лакапина - византийского императора (919 - 944), а следовательно, и нашего Игоря, был и Хельгу-Олег так называемого "Кембриджского документа". По этому документу, Хельгу после неудачного похода на Константинополь ушел в Персию, где и погиб. По мнению В. Пархоменко, Хельгу-Олег вообще был правителем не Киевской, а Тмутараканской Руси. Но это допущение не устраняет противоречий.

Как можно видеть, сведения об Олеге настолько противоречивы, что их трудно отнести к одному лицу. Дело усложняется и тем, что, как указал автор начала XIX в. С. Руссов, некоторые богемские летописцы русского Олега называли своим королем. В то же время польский историк XV в. Я. Длугош, использовавший оригинальный русский летописный материал, вообще не знает Олега, хотя уже знает Рюрика. А. Грегуар, отрицая подлинность договора Руси с греками 911 г. и похода Олега на Константинополь, предположил "эпиграфическое" происхождение легенды о походе: на пограничных столбах между Византией и Болгарией обнаружена надпись, в которой слово *olyou* (олгу) означает "великий"³⁶ и является, видимо, славянизированной передачей тюркского слова (*ulu* - *ulug*). Соображения А. Грегуара были справедливо отвергнуты как фантастические. Но мысль о том, что "Олег" может означать не имя, а титул, плодотворна. Объяснение имен "Олег" и "Ольга" из скандинавских языков едва ли может быть признано убедительным, хотя бы потому, что, как указал И. И. Срезневский, имя *Olga* было известно у чехов, которые с норманнами непосредственно не соприкасались, но выдержали многовековую борьбу с тюрками - гуннами и аvaraми.

Впрочем, загадки личности и имени "Олега" только косвенно связаны с рассматриваемым вопросом, так как ни одна версия об Олеге не представляет его звеном в династической цепи русских князей. Если и можно допустить, что Олег - это реальный варяжский конунг, захвативший на какое-то время Киев, то версии об его уходе из Киева лишь подчеркивают то положение, что ни начало Руси, ни начало династии русских князей с ним не связано.

Очевидно, не может считаться первым русским князем и Кий. По Новгородской I летописи, он даже не князь, а перевозчик. Правда, киевские редакции Повести временных лет полемизируют с этим положением ("Ини же не сведуще рекоша, яко Кий есть перевозник был"). Но рассказ о трех братьях и сестре, помещенный в летописи, описывает лишь основание Киева: "И створиша град во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Киев. И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловаща зверь".

Таким образом, Повесть временных лет не дает ясного ответа на вопрос о том, кого следует считать первым Киевским (русским) князем. Варяжская легенда заслонила старые представления о происхождении Руси. Не дают ответа на этот вопрос и церковные памятники XI века: Слово о законе и благодати Иллариона и Память и похвала Владимиру Иакова мниха. Примечательно, что оба эти памятника не знают варяжской легенды. Но в своих исторических экскурсах они не идут далее времени "старого Игоря". В результате "Слово о полку Игореве" оказывается единственным "посторонним" памятником, который в поэтических образах доносит обрывки одной из доваряжских концепций происхождения Руси.

Необходимо оговориться, что отражение в "Слове" исторических представлений, являющихся альтернативой явно несостоятельной варяжской концепции, еще не делает эти представления достоверными. Весьма вероятно, что и летописный Олег и Троян песен Боян являются в равной мере собирательными образами. Для народных преданий характерно наложение разновременных событий на основной исторический остов. Едва ли Боян, воспевая славное доигорево прошлое Руси, пользовался чем-то помимо народных преданий, и едва ли он представлял себе ясные хронологические рамки "века" или "вечей" Трояна. Но нельзя и недооценивать исторических намеков "Слова". Если певец XI в. Боян доносил какие-то предания о "времени Бусове", вспоминаемом готскими девами, времени, которое А. А. Шахматов весьма правдоподобно отождествил с эпохой борьбы антов во главе с Бозом против готов (IV в.), то тем более он мог помнить и воспевать период оформления Русского государства, период первых массивных походов на Византию. Поэтому, не ставя здесь задачу конкретизации исторической схемы "Слова", целесообразно выявить тот параллельный материал, который может быть привлечен для ее более основательного понимания или для подтверждения ее реальности как особой историографической схемы. Как можно видеть из приведенной выше краткой характеристики мнений, большинство авторов до недавнего времени склонялись к "римской" версии трактовки образа Трояна в "Слове". Питательной почвой этого направления являются предания и топонимика, распространенные на Балканах, и в частности в Дакии, покоренной в 102 г. (римским императором Траяном. Рассказы-сказки о царе Траяне с ослиными или козлиными ушами в недавнее время записывались исследователями в Сербии и Болгарии. Были отмечены и встречающиеся в этих местах топонимы с таким именем, в частности "Троянов путь" и "Трояновы валы" (в Придунавье в Добрудже и в Молдавии). Распространенность на Балканах сказаний о Траяне-Трояне и топонимика с этим именем, несомненно, представляют значительный интерес и требуют объяснения. Но можно ли допустить, чтобы у разных народов полуострова в течение многих столетий жила память о римском императоре? Ведь после кратковременных военных экспедиций Траяна Балканам пришлось испытать на себе тяжесть гуннского, аварского, болгарского и мадьярского нашествий. "Римская" версия предполагает достоверность летописного предания о дунайской прародине славян к обитанию их на Дунае уже в I веке. Между тем ранее середины I тысячелетия явные следы пребывания их там не обнаружены.

Недостаточность "римской" точки зрения убедительно показана А. Болдуrom. Он, в частности, подчеркнул, что "названия, связанные с именем Трояна, имеются не только в Болгарии, Сербии, Румынии, но и в прежней России имелись: Троян в Таврической губернии, Трояны, Троянка, Трояново в Херсонской губернии, Троя и Трояновка в Полтавской губернии, Трояновка в Волынской губернии, Трояново в Орловской губернии и Трояновка в Калужской губернии". Автор отметил также "Троянов луг" около Коростышева, Киевской губернии, и "Троянов яр" у Белой Церкви. Аналогичные топонимы встречаются также в Чехии и Польше. При этом "все названия имеют в своем корне "о", а не "а".

Само собой разумеется, что многие из этих топонимов имеют вторичное происхождение, отражая, может быть, многочисленные перемещения населения с XI по XVIII век. Но истоки этого топонима скрываются где-то в истории Древней Руси. Уже арабский географ XII в. Идриси упоминает местность "Троя" или "Труя". По тексту его сочинения, этот район располагался в 40 милях (неизвестно каких) на восток от Моравы Сербской. Но на картах он помещается у него где-то между Днепром и Доном, севернее Кумании (половецкой земли). Идриси собирал свои сведения из разных рук и составлял карты на основе маршрутов разных направлений. На каждой из его карт и Русь и Куманы упоминаются по несколько раз. Все это делает чрезвычайно затруднительной локализацию того или иного района. К. Миллер поместил "Трою" севернее "Кумании внутренней", между "Русией" и "Русией Тюркской". На его карте и "Троя" и русско-куманские наименования заходят слишком далеко на север.

Сочинение арабского географа не позволяет установить соотношения "Трои" и "Руси": являлась ли "Троя" частью "Руси", ее вторым названием или это какая-то территория за пределами Руси. Но что такая земля находилась именно в Приднепровье, видно из указания автора XVI в. - Михалона Литвина. "Некоторые полагают также, - писал он, - что Илион, или Троя, находилась на киевской земле среди ее плодородных полей и приятных рощ. Там видны ее следы в существующих поныне развалинах, - сводах, подземельях, высланных мрамором, полах и остатках больших стен. Место это, еще недавно пустынное, но весьма удобное для поселения, называется Торговица". Михалон явно смешивал русскую "Трою" с греческой. Это смешение естественно для эпохи Возрождения. Но для того, чтобы смешать, нужно, чтобы было, что смешивать. "Троя" Михалона Литвина определенно входит в состав Руси и может претендовать на роль одного из ее старинных центров, хотя сам автор, возможно, писал об этом понаслышке.

Таким образом, "трояновская" топонимика существовала уже в киевский период русской истории. Труднее установить время, раньше которого она не могла возникнуть. А. Болдур обратил внимание на то, что румынские "Трояновы" валы были насыпаны в разное время в III-V вв. и, следовательно, не имели отношения к римскому императору Траяну. В 512 г. была построена "длинная стена", прикрывавшая подступы к Константинополю. Очевидно, имя Трояна легло на эти сооружения не ранее VI века.

Весьма существенно и то, что большинство "Трояновых" валов вообще находится за пределами бывшей Римской империи. Основная часть их идет от Дуная к Пруту и далее к Днестру, пересекая территорию современной Молдавии. Кроме того, целый комплекс подобных валов уходит далее на восток, захватывая оба берега Днепра. Система оборонительных сооружений в Приднепровье, носящая название "Змиевых" или "Трояновых" валов, представляет особый интерес для решения вопросов, связанных с "Трояновской" топонимикой. Вместе с тем в них заключается одна из тайн, скрывающая жизнь Приднепровья в дописьменный период.

Еще В. Антонович обратил внимание на то, что "географическое расположение валов и положение сопровождавших их рвов указывает на то, что валы возведены были для защиты от кочевников той территории, в центре которой лежал Киев". В. Антонович относил их сооружение ко времени Владимира. Однако в основе его суждений лежали лишь соображения общего порядка. Также лишь из общих соображений Н. П. Барсов относил к XII - XIII столетиям вал, тянувшийся от Днепра до Буга. В. Г. Ляскоронский сооружение аналогичных

валов на левобережье Днепра связывал еще со скифской эпохой, он учел находки скифской и древнегреческой поры в районах, примыкающих к валам. Но здесь находятся и памятники более поздних культур, и неясно, к какой из них относятся валы. "Змиевых" валов мимоходом коснулся и наш крупнейший специалист по древнерусскому оборонительному зодчеству П. А. Раппопорт. Он отметил, что это памятники не киевской, а "другой, гораздо более древней эпохи", и естественно поэтому, что они остались вне сферы его исследований. Между тем и для историков Руси, очевидно, представит интерес тот факт, что приднепровские "Змиевы-Трояновы" валы окаймляют ту территорию, которая в летописных текстах домонгольской поры именуется собственно "Русью".

Остатки "Змиевых-Трояновых" валов сохраняются до сих пор, причем они тянутся на десятки километров и достигают высоты около 5 метров. В. Антонович отметил одну их примечательную особенность: они составляют пять концентрических линий. Самая длинная линия проходит вдоль реки Роси. Начинаясь недалеко от устья, она идет мимо Корсуни к Белой Церкви, пересекает приток Роси Каменку, переходит на Раставицу, затем поворачивает к северу, достигая южнее Радомысля берегов Тетерева. Вторая линия идет от Триполья по р. Красной, третья также от Триполья по правому берегу Стугны, четвертая - по ее левому берегу.

Пятой линией В. Антонович считал полукруг у Киева в 18 - 20 км радиусом. В. Антонович убедительно показал, что валы тянутся "главным образом по южной границе старой полянской территории" и что ров всегда оказывается со стороны, противоположной Киеву и Переяславу. Но не исключено, что не Киев был центром защищаемой валами округи. Л. Добровольский обратил внимание на расположенный южнее Киева Вито-Ходосовский вал, окаймляющий территорию в 2 тысячи га. Здесь также мог быть центр того племенного или государственного образования, которое смогло создать столь мощную систему обороны, очевидно, против натиска степных кочевников.

Валы (в районе Триполья и Стугны) в летописи впервые упоминаются под 1093 г. в связи с нападением половцев. Но летописец называет их лишь в качестве топографического ориентира. Оборонительного значения они уже не имели, так же как и переяславские валы, упомянутые под 1095 годом. Очевидно, они были сооружены не против половцев, а значительно раньше.

Окончательный ответ на вопрос о времени сооружения приднепровских валов могут дать только фундаментальные археологические исследования, которые пока не проводились. Но следует обратить внимание на одну любопытную параллель: оборонительные сооружения аваров также имели концентрическую форму. По сообщению автора середины IX в., Сен-Галленского монаха, земля аваров, основавших свое государство в Паннонии в VI в., имела 9 поясов-валов укреплений. Аварские "хринги", основанные не ранее VI в. и разрушенные в результате совместных походов франков и славян в конце VIII в., могли бы служить *terminus post quem* создания приднепровских и, может быть, молдавских валов. Известно, что в VIII в., видимо, под влиянием аваров, и болгары строили "хринги". Однако неясно, использован ли в Приднепровье опыт аваров, или, наоборот, авары на пути в Паннонию обогатились опытом народов, с которыми им приходилось вести борьбу.

Любопытно, что с приднепровскими и придунайскими валами были связаны сходные предания, согласно которым богатырь Кирило Кожемяка (или кто другой) победил змия, впряг его в плуг и заставил пропахать борозду. Вместе с тем эти валы носили название "Трояновых". В балканских преданиях Троян выступает в виде царя-демона. Аналогичный мотив звучит и в преданиях, объясняющих названия приднепровских валов. Это как будто не вяжется с прославлением Трояна в "Слове". Но на Руси Троян не всегда выступал в качестве отрицательного персонажа. В списке XII в. апокрифического произведения "Хождения Богородицы по мукам" дается предостережение, что в аду окажутся те, кто поклоняется силам природы и верит в Трояна, Хорса, Велеса, Перуна. Именно эта параллель привлекается для доказательства того, что Троян - это славянское божество. Но в <язычестве> нет непреходимой грани между богами и людьми. Это заметно и в "Слове", где русичи

представлены как "внуки" - потомки солнечного бога - Дажьбога. Об этом говорит и список XVI в. "Слова и откровения святых апостол", согласно которому Перун, Хоре, Дый и Троян "человеци были суть старейшины, Пергунь в элинех, а Хорсь в Кипре, Троянь бяше царь в Риме, а друзии другде". Стараясь принизить языческих богов, христианский автор в соответствии с представлениями самих язычников замечает, что в действительности все они обоготворенные "старейшины". Правда, автор XVI в. прообразы славянских божеств пытался найти только в греческой и римской литературе, в чем могло сказаться влияние эпохи Возрождения. Действительные их истоки иные. Перун - славянское божество. Хоре находит аналогию в западноиранской мифологии. В. Антонович полагал, что название приднепровских валов именем Трояна восходит лишь к XVII в. и носит книжный характер. Но, судя по приведенному тексту, книжным было не происхождение, а объяснение предания.

Таким образом, имя Трояна отнюдь не было безвестным в Древней Руси. Правда, рассмотренный материал слишком отрывочен, противоречив и недостаточен для позитивных построений. Но косвенно он подтверждает, что историческая концепция "Слова" имела под собой почву по крайней мере в широком распространении преданий о Трояне. Отвергнув "римскую" версию, А. Болдур пришел к выводу, что "решение вопроса о Трояне следует искать в VI-VII вв. н. э." Это время, когда славяне господствовали на Балканах. Но мы слишком мало знаем о восточной ветви славян и Приднепровье VIII-IX веков. По А. Болдуру, Троян - славянский бог зимы. Для даков Троян представлялся чуждой, внешней силой, страшной и грозной. Но даже для воплощения сил зла в своего рода божестве больше подойдет реальный правитель народа-завоевателя или предводитель войска чужой страны, который мог оставить выразительный след и за короткое время.

Одним из главных доводов, которые можно выдвинуть против признания Трояна легендарным родоначальником династии русских князей, является упорное молчание о нем Начальной летописи. Но летопись не называет его ни среди людей, ни среди богов. Между тем вставка с именем Трояна в список XII в. "Хождения Богородицы по мукам", несомненно, свидетельствует о том, что Троян в это время был еще объектом почитания, и едва ли только среди язычников. Можно было бы предположить, что редактор летописи - норманист - особенно последовательно искоренял это имя, как противоречащее его основной идее. Возможно, носителю этого имени воздавались полубожеские почести, в чем мог проявиться столь обычный для язычества культ предков. В таком случае он мог стать объектом преследования и со стороны церкви. Но, возможно, предание не было чисто киевским и восходило еще к тем временам, когда Киев не был центром русской земли. В таком случае киевский автор мог пройти мимо него. Другое дело Боян, певец чернигово-гмудараканских князей. Для него история Руси не ограничивалась жизнью Киева ни в настоящем, ни тем более в прошлом.

Необходимо подчеркнуть, что в конкретно-историческом плане схема "Слова" пока оставляет широкое поле для догадок и требует серьезных дополнительных изысканий. Но значительный интерес представляет сам по себе факт наличия в "Слове" неваряжской концепции происхождения Руси. Выраженная в образах и намеках, сделанных к тому же мимоходом, древнейшая историографическая схема не имеет ни ясно очерченного ареала, ни строго зафиксированной хронологии. Но очень легко почувствовать, что и близкое и далекое прошлое русского народа автор "Слова" связал с Причерноморьем. Здесь нет никаких следов севера, но на каждом шагу ощущается дыхание причерноморской степи, в борьбе и с участием которой в Приднепровье формировалась Русь - земля и народ.

Историографическая схема "Слова" является дополнительным доказательством несостоятельности норманнской концепции происхождения Русского государства. Вместе с тем она составляет еще одно убедительное свидетельство подлинности памятника. Даже самые фантастические исторические построения XVIII в. включали как обязательный элемент Рюрика и его призвание. Лишь в XIX в. легенда о призвании была поставлена под сомнение, и совсем

недавно встал вопрос о других концепциях истории Руси в древнерусской исторической традиции.

Замечательным доказательством подлинности поэмы является и образ самого Бояна - источника исторической концепции "Слова". По мнению А. А. Зимины, позднейший автор создал этот образ на основе упоминания имени Бояна в "Задонщине". При этом А. А. Зимин Допускает монгольское происхождение имени, намекая на появление его уже после татаро-монгольского нашествия на Русь. Но сам же он делает ссылку на опубликованную С. А. Высоцким запись (граффити) в Киевской Софии о "Бояновой земле", относящуюся к XI-XII векам. Напомним также, что имя "Баян" носил в VI в. видный полководец, правитель Аварского каганата. Не говоря уже о том, что упоминание Бояна в "Задонщине" не имеет самостоятельного значения и не может быть понято без сопоставления со "Словом", этот образ приобрел в ней явно позднейшие черты. Примечателен сам по себе факт, что северный автор "Задонщины" в XV в. знал о существовании "вещаго Бояна в городе Киеве гораздо гудца". Если он знал о нем не из "Слова", то, очевидно, следует предполагать существование другого аналогичного южнорусского памятника. Вторичность "Задонщины" проявляется в данном случае и в том, что ее автор заставил Бояна славить русских князей от Рюрика до Ярослава, тогда как в "Слове" он поет славу князьям главным образом чернигово-тмутараканским, XI века. Автор XV в. (равно как и XVIII в.) не мыслил себе русской истории без Рюрика. Но в настоящее время мы можем с достаточной степенью уверенности говорить о том, что южнорусский песнотворец XI в. и не должен был знать северной варяжской легенды. Отсутствие варяжской легенды - существенное доказательство реальности Бояна как певца XI века.

В настоящее время все еще недостаточно материала для однозначного решения вопросов, связанных с образованием Древнерусского государства. Это обстоятельство само по себе, независимо от конечного результата, побуждает внимательно отнестись к одной из древнейших историографических схем. Только комплексное рассмотрение прямых и косвенных ее параллелей в истории и археологии позволит сказать, насколько она соответствует действительному ходу событий. Но если в концепции "Слова" и не удалось бы обнаружить реальные исторические черты, она интересна как отзвук историографии XI века.